

— Эрнян, — снова позвала меня Вэй Хуань. Так было всегда: стоило мне погрузиться в грёзы, как она возвращала меня из безбрежных странствий мысли к реальности. Если бы её не стало, кто бы тогда звал меня? Нет, нет... если бы её не стало, я, наверное, и не витала бы так часто в облаках.

Вэй Хуань, видя, что я всё ещё в полузабытьи, окликнула ещё раз и одновременно принялась поглаживать мою руку. Эта маленькая плутовка наконец встретила достойного соперника: новоназначенный Фэн Шилиян оказался отъявленным фантазёром, на всё имевшим своё толкование. По его словам, таких детей, как я, нельзя резко будить — душа ещё слабо держится, испугается и может улететь. Поэтому в последнее время все в моих покоях двигались особенно тихо, а Вэй Хуань даже разработала целый ритуал, чтобы вернуть меня к действительности: сначала потянуть за рукав, если не помогло — тихо окликнуть, если снова безрезультатно — приняться водить ладонью по моей руке, а уж если и это не срабатывало — слегка толкнуть или погладить по щеке.

Не дожидаясь следующих её действий, я улыбнулась: «Я не витаю в облаках, просто... устала».

Она, кажется, немного разочаровалась, но тут же присела передо мной на корточки, глядя снизу вверх: «Сидишь тут уже долго, конечно, устанешь. Вернёмся — велю кого-нибудь помассировать тебе плечи».

Я посмотрела на неё сверху: она и сама уже выбивалась из сил, зевок застревал в горле, но она не давала ему вырваться, лишь глаза по-прежнему сверкали, словно в них таилась какая-то мысль, а может, и нет. Я спросила: «А-Хуань, шестой брат женится. Что ты об этом думаешь?»

Она промычала в ответ: «Князь Цзи женится... дальше, значит, твоя очередь».

Я осторожно спросила: «А твоя семья... насчёт тебя какие планы строит?»

Вэй Хуань ответила: «Я не чета таким, как госпожа Цуй или госпожа Ван. Я вошла во дворец, значит, принадлежу дворцу. Моя судьба отныне не в воле моей семьи».

Я никогда об этом не задумывалась, и в отчаянии моём вдруг мелькнула искра надежды. Я, будто пробуя почву, произнесла: «А если... я хочу сказать, если бы... если бы я попросила тебя переехать в мою усадьбу, чтобы ты всегда оставалась рядом со мной... ты... согласилась бы?»

Вэй Хуань устремила на меня горящий взгляд. Я сама не могла поверить, что высказалась так прямо, и щёки мгновенно вспыхнули. Но, хорошенько поразмыслив, поняла: в этих словах не было ничего предосудительного. Принцесса говорит своей близкой подруге: «Ты мне дорога, я хочу, чтобы ты всегда была рядом», — разве не естественно? С чего бы мне краснеть? Даже если бы я пожелала взять с собой всех служек из павильонов Чжуцзин и Пэнлай и оставить их в своей усадьбе на всю жизнь, это было бы вполне обычно и нормально. Чего тут стыдиться, чего смущаться? Просто все те люди мне не милы, мила лишь она одна. Просто эта моя привязанность слегка выходит за общепринятые рамки. Просто... выходит она за рамки изрядно, не просто чуть-чуть противоречит обычаям, а... ниспровергает моральные устои, признаваемые в наше время. Эти устои со временем постепенно утратят свою силу, и через тысячу лет большинство юношей и девушек едва ли будут понимать их смысл. Нынешние отношения государя и подданного, отца и сына, мужа и жены хоть и оставят некоторый отзвук в будущем, но тогда уже не будет императоров, дети и жёны перестанут быть чьей-то частной собственностью, а станут полноправными, защищёнными законом людьми. В ту эпоху дети смогут открыто спорить с родителями, супруги, если не сложилось, смогут мирно разойтись и найти новых спутников, женщины, оставшиеся незамужними, хоть и станут предметом

пересудов, но всё же смогут найти своё место в жизни. Люди с наклонностями, подобными моим, хоть и останутся в тени, но по крайней мере смогут выжить. А здесь... здесь даже обожаемый младший сын императора может жениться лишь на ненавистной ему женщине. Даже родная сестра императора по матери, содержавшая множество любовников и открыто похищавшая мужчин, лишь притворялась, что живёт с мужем, родила нескольких детей и вместе они изображали обычную супружескую пару.

Жар на моих щеках улёгся, и, наверное, цвет лица вернулся к обычному, а может, стал даже бледнее — на сердце было тяжело, и билось оно как-то неровно. Вэй Хуань всё смотрела на меня. Через некоторое время она поднялась, наклонилась и уселась рядом. Её рука легла поверх моей. Жаркая погода ещё не отступила, её ладонь была влажной, и от прикосновения моя рука тоже стала влажной. Я тупо смотрела на неё. Она подняла руку, вытерла всю влагу с ладони о мой рукав и, обнажив в улыбке все зубы, сказала: «Говорю же, дурочка. Выйдешь замуж — все мы с этого двора, естественно, поедем с тобой. Иначе зачем было Её Величеству так тщательно нас отбирать? И зачем тебе отдельно переспрашивать?»

«А ты как думаешь?» — не унималась я.

Она склонила голову набок: «О чём?»

Я уставилась на неё, несколько раз порывалась спросить, но всякий раз теряла смелость. Наконец опустила голову, уставилась на носки своих туфель и глухо промолвила: «Ничего... Кстати, разужнай-ка для меня: есть ли такой человек — Сюэ Шао?»

Слова Ли Жюя о совместном танце оказались не шуткой. На следующий день, выйдя после занятий из Чертога Яньин — после возвращения в столицу матушка облюбовала помещение к западу от Чертога Цзычжэнь и велела обустроить там мою учебную залу. Место это было близко к правительственным учреждениям, и доступ туда для обитательниц внутренних покоев был обычно ограничен. Чтобы избежать пересудов, матушка специально приставила ко мне восемь служанок, а для сопровождения назначила женщину-чиновника, вышло очень торжественно, — у выхода меня перехватил этот прощельга. На нём был головной убор с длинными лопастями, какие носят актёры и музыканты, и с первого взгляда он смотрелся вполне правдоподобно: «Сыцзы, я позвал Чжан Сынян из Левого Цзяофана, пойдём учиться к тебе».

Поскольку сегодня и Мяо Шэнькэ, и Лю Ичжи были вызваны на аудиенцию, занятия закончились рано, и я в душе уже собиралась поехать с Вэй Хуань кататься в парке, потому ответила неохотно: «Найди себе любого другого для парного танца, зачем меня впутывать? Или не боишься, что твоя будущая тёща рассердится?»

Не стоило мне этого говорить. При этих словах лицо Ли Жюя потемнело: «Я — мужчина, старший в роду, мои поступки вне дома — моё личное дело! Какое она имеет ко мне отношение? Будет лезть с указаниями — сделаю всё наоборот!»

Видя его мрачный настрой, я не стала подливать масла в огонь и серьёзно сказала: «Всё же мужчина и женщина — не пара. Брат, лучше найди кого-нибудь другого. Как бы потом не пошли разговоры, матушке будет неловко».

Он не оценил моей заботы, а, напротив, рассердился, что я не догадываюсь: «Лицо матушки уже втоптали в грязь, а ты, дочь, вместо того чтобы поддержать, твердишь, что только поднимаешь дух противникам. Матушка зря тебя любила!»

Мои мысли уже улетели к Вэй Хуань, но Ли Жуй снова приковал их к себе: «Что значит “лицо

матушки уже втоптали в грязь”? Шестой брат, о чём ты? Я совсем не понимаю».

Он оглядел моих сопровождающих. Спереди, сзади — все были присланы матушкой, беспокоиться было не о чём. Ли Жуй это знал, но всё же оттащил меня в сторону и понизил голос: «С начала этого года старшего брата, наследного принца, отец то и дело журил. Уже был назначен регентом при отце, а потом велели бросить и снова учиться. Четвёртый брат в землях У, много лет не приезжал ко двору, а теперь вдруг, не в сезон и не по празднику, является в столицу с визитом. Двоюродная бабушка Яньань с матушкой никогда не ладили, а отец выбрал её дочь моей княгиней — неужели не видишь? Отец зол на матушку за ту казнённую Цайжэнь! Старший брат такой неповоротливый и негибкий, если мы с тобой не возьмём себя в руки, что же будет с матушкой? Поэтому я и говорю: нам надо вдвоём как следует отточить все искусства, чтобы, когда четвёртый брат приедет, во всём его превзойти. Отец, увидев наши таланты, не захочет оставлять четвёртого брата при себе, и тогда старший брат с матушкой обретут покой. Понимаешь?» В конце он ткнул меня пальцем в лоб, так что даже стало больно. Я отмахнулась от его руки: «Матушка в совете зовётся Вторым совершенномудрым, во дворце и за его пределами её величают “Ваше Величество”, на горе Тайшань во время Фэншань она совершала подношение второй очереди, её почётный титул — “Священная и культурная императрица Тяньхоу”. Сколько императриц за всю историю удостоились такой чести? Нам с тобой лучше вести себя тихо и не нарываться на неприятности — это и будет самой лучшей поддержкой. Нечего тут про “взяться”! Не выставляй себя на посмешище, а то ещё больше опозоришь матушку».

Он не поверил, только пробормотал: «Как бы там ни было, мы, дети, станцевать для родителей в честь долголетия — дело благое. Посмотри, как ты плясала в прошлый раз, а потом посмотри на госпожу Чжао...»

<http://bllate.org/book/16278/1466522>